

Глава 24. Тайное царство Чжуолун

Лю Цинсянь на мгновение лишился дара речи. Оставим в стороне безупречные манеры, которые Фэн Уянь демонстрировал в главном зале постоянного двора; сама по себе блестящая репутация дворца Данься не давала ни малейшего повода сомневаться в честности его главы.

Однако Инь Сюаньни никогда не лгал своему учителю.

— Что ты имеешь в виду? — поспешил уточнить Лю Цинсянь.

— Та хозяйка... Она определенно действует по указке Фэн Уяня. Он подослал её, чтобы создать нам трудности, — вполголоса пояснил Сюаньни. — Посмотрите сами: поток постояльцев здесь немалый, и среди них хватает людей в простых одеждах. Едва ли все они сказочно богаты. Если они могут позволить себе здесь жить, значит, цены на самом деле не так уж высоки. К тому же, когда хозяйка называла сумму, она постоянно отводила взгляд, словно боялась, что её услышит кто-то из случайных прохожих. Она явно лгала.

Лю Цинсянь в нерешительности возразил:

— Но это лишь доказывает, что хозяйка решила нас обобрать...

Инь Сюаньни покачал головой и продолжил детальный разбор:

— Шишу Дао хоть и обладает нравом буйным, но в бдительности ему не откажешь. Будь поблизости мастера с глубоким уровнем самосовершенствования, он бы непременно это почуял. Однако, войдя в заведение, он даже не взглянул в сторону Фэн Уяня. Это подтверждает, что до того, как раскрыть себя, глава дворца искусно скрывал даже малейшие отблески своего «сердечного светильника».

Лю Цинсянь, видя, насколько логичны и обоснованны доводы ученика, почувствовал, как в душе шевельнулось доверие.

— Продолжай.

Сюаньни подался еще ближе, почти касаясь губами уха наставника. От его горячего дыхания кожа на шее Лю Цинсяня мгновенно заалела. Юноша на секунду запнулся, завороченный этим зрелищем, но, волевым усилием подавив волнение, заговорил вновь:

— Слава Линьцан гремит повсюду, о добродетелях наших учеников знают в каждом уголке империи. Даже простые смертные относятся к нам с почтением. Но эта женщина, прекрасно зная, кто мы такие, намеренно выкрикивала оскорбления. Она хотела запятнать доброе имя ордена. И если бы Фэн Уянь действительно был так дружен с Линьцан, он бы оборвал её крики в зародыше. Но он поднялся и заговорил лишь тогда, когда в его чашке осталось пол-глотка

чая. Он наслаждался этим спектаклем до самого конца.

Лю Цинсянь готов был признать полное поражение перед пронизательностью ученика. Пока он сам разглядывал одежды и оценивал манеры гостя, этот мальчишка успел заметить даже уровень чая в чужой чашке!

Неужели его ученик — реинкарнация самого Шерлока Холмса?

Лю Цинсянь резко повернул голову и едва не задел кончиком носа лицо Инь Сюаньи. Из-за опасной близости показалось, будто само теплое дыхание перетекает от одного к другому.

Сердце Цинсяня пропустило удар. Он поспешно отшатнулся, разрывая дистанцию, и, отведя взгляд, пробормотал:

— Раз так, мне нужно предупредить старшего брата Дао.

Он поднялся, намереваясь выйти, но Сюаньи резко протянул руку, пытаясь удержать его, однако пальцы лишь скользнули по рукаву.

— Учитель!

Охваченный странным смятением, Лю Цинсянь не обернулся. Он распахнул дверь и замер: прямо перед ним возникло огромное синюшно-черное лицо. Выпученные глаза зловеще поблескивали в неверном свете свечи.

Цинсянь снова отпрянул. Он едва сдержал крик, чувствуя, что еще секунда — и его хватит удар.

«Я умер. Ушел из жизни в крайнем беспокойстве», — меланхолично подумал он про себя.

Система, тоже изрядно струхнувшая, отозвалась:

[Черт! Напугала до икоты! Но ты не бойся, это всего лишь хозяйка.]

В этот момент Инь Сюаньи уже был рядом. Он заслонил собой Лю Цинсяня, бросив на него ободряющий взгляд. Только теперь Цинсянь понял, почему ученик шептал ему на ухо — он предвидел, что у стен могут быть не только уши, но и глаза.

Застигнутая врасплох женщина ничуть не смутилась. Отбросив недавнюю язвительность, она ележно улыбнулась:

— Господин, я всего лишь принесла вам воды для умывания.

Лю Цинсянь опустил взгляд: в руках она и впрямь держала таз. Вот только над водой не было ни намека на пар. Интересно, как долго она простояла здесь, подслушивая?

Инь Сюань без церемоний забрал таз:

— Я сам позабочусь об учителе.

Хозяйка, заискивающе улыбаясь, закивала, явно собираясь сказать что-то еще, но Сюань, не давая ей шанса, захлопнул дверь прямо перед её носом.

Удерживая таз одной рукой, другой он осторожно подтолкнул Лю Цинсяня обратно к столу. Его левый глаз вспыхнул ярко-голубым светом — обостренные чувства полудемона прощупывали пространство за дверью.

Цинсянь молча ждал, не смея мешать. Спустя мгновение сияние в глазах Сюань погасло, и он кивнул:

— Ушла.

Лю Цинсянь с облегчением выдохнул:

— Почему же мы сразу не поставили Заклинание безмолвия?

Сюань усмехнулся:

— Учитель, вы забыли? Глава дворца Данься всё еще в этом здании.

Цинсяня осенило. Заклинание безмолвия хоть и изолирует комнату, но опытный практик мгновенно почует его присутствие. Если бы Фэн Уянь обнаружил такую предосторожность, это бы выдало их подозрения раньше времени.

Но оставался один неразрешенный вопрос:

— Но зачем ему это? Дворец Данься и орден Линьцан разделяют тысячи ли, у нас нет конфликта интересов. Какую цель он преследует?

Инь Сюань нахмурился, погружаясь в раздумья:

— Этого... я и сам пока не вижу.

Затем он поднял взгляд на наставника и мягко произнес:

— Нападут — выставим щит, придет вода — засыплем землей. В конце концов, в тайное царство войдут все великие ордена. Едва ли они решатся на открытую подлость под взорами сотен свидетелей. Не тревожьтесь, учитель.

Лю Цинсянь посмотрел на него с нескрываемой гордостью:

— Не ожидал, что мой Сюаньши так быстро станет столь проницательным и надежным.

Взор Сюаньши на миг подернулся дымкой:

— Тот, кому довелось скитаться в одиночестве и познать людское коварство, волей-неволей учится читать по лицам.

Лю Цинсянь замер, собираясь утешить его, но ученик, словно предугадав его порыв, не желал обременять наставника своими печальями. Он мягко улыбнулся и перевел тему, кивнув на таз:

— Вода остыла. Позвольте мне принести свежей.

Лю Цинсянь поспешно остановил его:

— Не нужно. Я не неженка, умоюсь и такой. Ни к чему эти хлопоты.

Сюаньши не стал настаивать. Он тщательно проверил полотенце и, убедившись, что в нем нет подвоха, смочил его в прохладной воде. Лю Цинсянь почувствовал себя неловко под такой опекой и попытался перехватить полотенце:

— Я сам...

Однако Сюаньши осторожно перехватил его руку и тепло улыбнулся:

— Когда-то учитель так же заботился обо мне. Теперь настал мой черед.

Это напомнило Цинсяню об их днях в городе Иньфэн, и на его губах заиграла ностальгическая улыбка.

— Тогда ты был совсем крохой. Но я-то не ребенок.

Сюаньи не отступил. Он принялся бережно вытирать лицо и виски Лю Цинсяня. В свете свечи его взгляд казался бесконечно глубоким и полным нежности.

— И все же я хочу заботиться о вас. К тому же, я хочу, чтобы учитель понял: я больше не ребенок.

Лю Цинсянь едва не утонул в этом взгляде. С трудом вернув самообладание, он отвернулся и пробормотал:

— Пожалуй, мне и впрямь пора перестать смотреть на тебя как на дитя. Ты сильно изменился.

— Вот как? — низкий голос Сюаньи прозвучал совсем рядом. Его пальцы как бы невзначай коснулись Тотема демонического контракта на запястье учителя. — И какие же изменения заметил мой наставник?

Он снова придвинулся почти вплотную. Температура тела полудемона была выше человеческой; от Сюаньи исходил жар, словно от растопленной печи, и Лю Цинсянь почувствовал, как к лицу приливает кровь. Не в силах больше выносить этот напор, он вскочил и, напустив на себя суровость, отрезал:

— Уже поздно. Тебе пора к себе.

Сюаньи и не думал уходить.

— Учитель... — протянул он с мольбой в голосе.

Но в этот раз Лю Цинсянь был непреклонен. Он буквально вытолкнул ученика за дверь.

— Иди, иди уже!

Сюаньи пришлось смириться. Дверь захлопнулась прямо перед его носом.

Оставшись в одиночестве, Лю Цинсянь привалился к косяку и тяжело выдохнул, чувствуя, как бешено колотится сердце.

[Красота губит людей], — ехидно констатировала Система.

«Заткнись», — огрызнулся Лю Цинсянь.

Он чувствовал, что его отношение к ученику становится всё более странным, но в чем именно причина этого беспокойства, понять не мог. В голове царил сумбур. В конце концов, он решил

оставить раздумья на потом, залез в постель и, накрывшись с головой, мгновенно провалился в сон.

***

На следующее утро Сюань постучал в дверь Лю Цинсяня ни свет ни заря, чтобы вместе спуститься вниз. Однако стоило им ступить на лестницу, как Цинсянь замер от изумления.

Вчера вечером из-за темноты он не обратил внимания на масштаб происходящего, но сейчас зал постоянного двора был до отказа забит заклинателями. Буддисты, даосы и даже считавшиеся изгоями демонические практики сидели группами, разделенные невидимыми границами своих орденов.

Лю Цинсянь, никогда не видевший подобного столпотворения, мгновенно растерял остатки сна и призвал Систему для консультации.

Та с готовностью принялась перечислять присутствующих, пока не запнулась на одной из групп в углу.

[Хозяин, кажется, твоего старшего брата сейчас уведут из семьи.]

Лю Цинсянь вскинул голову и увидел Дао Сяово. Тот сидел рядом с Фэн Уянем и громко хохотал над какой-то шуткой. Его прекрасное лицо в этот момент сияло искренним, диким восторгом, заставляя окружающих заворуженно замирать.

В душе Лю Цинсяня взывала сирена тревоги. Он поспешно направился к ним и вклинился между мужчинами, бросая на Фэн Уяня подозрительные взгляды. Его старший брат хоть и был грозен, но в глубине души оставался наивным и податливым на лесть. Стоило кому-то проявить к нему каплю внимания — и тот был готов идти за ним на край света.

Фэн Уянь, не обращая внимания на враждебность Цинсяня, изящным жестом раскрыл свой Парчовый веер с пионами. Вышитые на нем пионы ярким пятном расцвели в полумраке зала.

— Славный веер, — похвалил Дао Сяово. — Это сокровище твоего ордена?

Фэн Уянь одарил его долгим, полным смысла взглядом:

— Всего лишь безделушка, не стоящая упоминания.

Лю Цинсянь, которому претила эта напускная скромность, ядовито заметил:

— Раз это безделушка, почему же глава дворца с ней не расстается?

Фэн Уянь усмехнулся:

— Старший Лю не совсем прав. Посмотрите вокруг: многие заводят питомцев, холят их и лелеют, но если зверь теряется или умирает, многие ли готовы оплакивать его всю жизнь?

Он небрежно бросил веер на стол:

— Потерялось — и ладно, всегда найдется замена. Мы любим не вещь, а то чувство заботы, которое она в нас пробуждает. В этом и есть суть «безделушки».

Дао Сяово не стал вникать в философию. Он потянулся к вееру и принялся рассматривать его. Он всегда питал слабость к ярким краскам, и пышные пионы пришлись ему по душе.

Заметив это, Фэн Уянь мягко произнес:

— Если Цюхуану нравится — забирай. Радость на твоём лице — лучшая награда для этого веера.

Дао Сяово просиял и, поблагодарив, спрятал подарок.

Лю Цинсянь едва не задохнулся от гнева.

«Он назвал моего брата по детскому имени?! — его мозг кипел. — А мой брат позволил ему это?! Да так его могут называть только прежний глава и старший брат главы!»

От ярости у Цинсяня едва не пошла кровь горлом.

В этот момент за стенами постоянного двора гроыхнуло. Яркий свет ворвался в окна.

Все присутствующие вскочили и бросились наружу. За окраиной Фучэна в небо били столпы золотого сияния, а облака вздымались, словно морские волны.

Тайное царство Чжуолун открывалось!

Фэн Уянь, как принимающая сторона, первым возглавил шествие. Он взмыл в воздух, усиливая голос истинной энергией:

— Дворец Данься веками охраняет Чжуолун. Сегодня мне выпала честь встретить его открытие

вместе с вами. Редкие артефакты и ценные материалы достанутся тем, кому благоволит судьба. Прошу всех помнить о благоразумии и не опускаться до грабежа.

Разумеется, это были лишь формальные речи. Если два отряда столкнутся над одним сокровищем, кто отступит добровольно? Открытие тайных царств всегда омывалось кровью. Но правила приличия требовали соблюдения ритуала, чтобы позже никто не мог обвинить хозяев в хаосе.

Сотни мечей взмыли в небо. Заклинатели следовали за Фэн Уянем к эпицентру золотого свечения.

Инь Сюань держался вплотную к Лю Цинсяню. На огромной высоте он протянул руку:

— Учитель, держитесь за меня, не потеряйтесь!

Его волосы, перехваченные высокой лентой, развевались на ветру, словно росчерк туши на небе. В этом полете он выглядел невероятно мужественным и свободным.

Лю Цинсянь, завороженный этим зрелищем, послушно вложил свою ладонь в его руку. Сюань счастливо улыбнулся и увлек его за собой в сияющий зев портала.

Но в этот миг всё изменилось. Вход в тайное царство внезапно потемнел. Свирепый вихрь ударил в них, с чудовищной силой разрывая сплетенные пальцы.

Их раскидало в разные стороны. Лю Цинсянь провалился в портал. Когда зрение вернулось к нему, он обнаружил себя в незнакомом лесу.

Вокруг стояла мертвая тишина — не было слышно даже пения птиц. Цинсянь огляделся, но не увидел ни души.

Куда его забросило?

Он с тревогой развернул божественное сознание, пытаясь нащупать знакомую ауру, и невольно позвал:

— Сюань?..